

Татьяна Ананьева

**МЕЖДУ БОЖЕСТВЕННЫМ И ПРОФАННЫМ:
забытая находка 1830-х годов – киевский “Крест”
Апостола Андрея Первозванного**

... Странные предания
нередко служат иногда
к подтверждению важ-
нейших истин.

*Максим Берлинский*¹

На выставке, посвященной митрополиту Киевскому Евгению (Болховитинову) в Софийском митрополичьем доме (декабрь 2012 г.) в центре экспозиции был помещен большой деревянный киот крестообразной формы, в котором находятся куски жерди, скрепленные в виде 12-конечного креста². На вложенной в киот металлической табличке выгравирована надпись:

“В сем кресте находится часть Животворящего Древа Креста Господня Крест сложен из трех кусков сосновых найденных в пшенице хлебной ямы углубленной на три сажени при раскрытии места фундамента каменной Крестовоздвиженской Церкви 13-го века в Старом Киеве, на горе где водрузил Крест святой Апостол Андрей Первозванный.

Кореспондентом *Общества Московского Истории и Древностей* 5-го класса Лохвицким 4 Мая 1832 г.”³

Этот предмет как одна из первых “находок” зарождающейся киевской археологии, конечно, в первую очередь воспринимается как пример исторического *казуса*, который мог бы занять достойное место рядом с “урной Овидия”, найденной в Полтавской губернии⁴, и вещами из коллекции

¹ *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. К., 1991, с. 90.

² Киот с “Крестом” хранится в фондах Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника.

³ Здесь и далее курсивом обозначены раскрытия слов, сокращенных в оригинале.

⁴ М. Салтыков-Щедрин запечатлел одного из “ученых”, который “хвастался, что по окончании работ съезда [археологического – Т. А.] был устроен банкет, и что на банкете этом пили из урны, в которой некогда был заключен прах Овидия. – Вы в этом уверены? – спросил я его. – Еще бы не быть уверенным, коль скоро я пятнадцать лет употребил на то, что Овидий умер в Полтавской губернии, в имении, принадлежащем Ивану Иванычу Перерепенко, который и доставил на съезд урну”: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Недоконченные беседы // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 тт. М., 1973, т. 15, кн. 2, с. 291.

известного в начале XIX в. “антиквария” Сулакадзева – обломком камня, на котором отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы, и “толстой, уродливой палкой”, выдаваемой за костыль Ивана Грозного⁵.

Несмотря на анекдотичный⁶ характер атрибуций упомянутых вещей, за ними обнаруживаются некоторые общие начала, характерные для эпохи пробуждения интереса к отечественным древностям. Что же касается киевского “Креста”, то прояснение на уровне микроистории ситуации, в которой стало возможным его появление, приближает к пониманию *локальных* культурно-исторических условий, их социальных и ментальных компонентов, индивидуального выбора, внутренних импульсов, межличностных отношений, то есть целого ряда важнейших аспектов, определявших то, каким образом, с какой целью и в каком качестве (или роли) конкретные люди в конкретных обстоятельствах приобщались к археологическим событиям, способствовавшим тому, что Киев в первой трети XIX века стал местом, где встречались и формировались разные формы исторического знания.

Возможности для изучения локальных/киевских условий становления исторического знания с позиций социокультурного подхода открываются благодаря корпусу источников личного происхождения – дневников, писем, записок Кондрата Лохвицкого, одного из первых изыскателей киевских древностей, упомянутого в приведенной выше гравированной надписи⁷.

Стаскому советнику Кондрату Андреевичу Лохвицкому было 53 года, когда он в 1823 г. переехал в Киев. Никогда раньше не занимавшийся ничем подобным, на новом месте жительства он увлекся археологическими изысканиями, отдав им последующие почти двадцать лет жизни, неистощимый заряд энергии и, как он утверждал, немало личных денежных средств.

В археологической деятельности Лохвицкого было несколько этапов, различающихся масштабом его участия и инициативности, степенью самостоятельности: первый этап – с 1824 и приблизительно до 1826–1827 гг., когда основной раскопчной площадкой была территория Десятинной церкви, а Лохвицкий выполнял поручения митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), либо вообще оказывался в роли стороннего наблюдателя; второй этап – с 1830–1831 гг. до 1834 г., в течение которых раскопки

⁵ Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 1990, с. 126.

⁶ То есть (по словарю В. Даля) небывалый, мало вероятный, забавный, оригинальный.

⁷ См. о дневнике и переписке Лохвицкого: *Ананьева Т. “Экспедиции” Кондрата Лохвицкого (из киевской переписки археолога 1830-х годов) // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. Дніпропетровськ, 2009, вип. 3, с. 248–280.*

велись на пяти-шести объектах, в том числе на Золотых Воротах и Ирининской церкви, по инициативе самого Кондрата Андреевича; третий этап – с 1835 г. и далее, когда с появлением Временного комитета для изыскания древностей Лохвицкий оказался на вторых ролях, с трудом добиваясь разрешения на новые, не столь впечатляющие раскопки⁸.

Именно второй, наиболее результативный, насыщенный этап (подаривший городу зрелище величественных древних руин, извлеченных из недр земли неподалеку от Софии Киевской и друг от друга, в пределах одного квартала улицы Владимирской) принес Киеву славу археологической Мекки.

Но парадокс состоял в том, что раскопанные подлинно исторические реликвии в контексте археологической эпопеи 1830-х годов были как бы “случайными находками”, сделанными в связи с поисками совершенно другого объекта – Креста, по преданию, сообщенному летописцем Нестором, водруженного Святым Апостолом Андреем Первозванным. Ощущение парадоксальности происходившего усиливает тот факт, что искомым объект в принципе не мог быть обнаружен, но тем не менее “находка” якобы была сделана, и до наших дней сохранился раскопанный в 1832 г. на Старокиевской горе предмет, который далеко не все современники находки считали курьезным.

***

“Сегодня видел во сне явственно⁹: по утру в 7 часу. Слово слышал говорящее в душе моей: “Сделай себе Крест † в воображении. Исповедуйся пред ним”. (Проснулся) Я проснувшись пел в душе моей: “Кресту Твоему поклоняюся Владыко, и Святое Воскресение Твое пою и славлю”. – (Был исполнен радости духовной)¹⁰, –

такой записью 19 декабря 1831 года¹¹ начиналась очередная часть дневника Кондрата Андреевича Лохвицкого.

⁸ См.: *Ананьева Т.Б.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996, с. 15–23; *Ананьева Т.Б.* Производство знаний о киевских древностях в начале XIX в.: протагонисты и статисты (по эпистолярным и мемуарным источникам) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, К., 2009, т. 19, кн. 1, с. 603–630.

⁹ Подчеркнуто в оригинале.

¹⁰ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22948, л. 6. Известно о существовании нескольких фрагментов дневников Лохвицкого. В частности, Ф. Терновский работал с дневниками (в форме “записок”), относящимися к 1798, 1808–1819 гг. (См.: *Терновский Ф.* Материалы для истории мистицизма в России (Записки К.А. Лохвицкого) // Труды КДА, 1863, т. III, с. 161–203). В отдельные периоды Лохвицкий вел одновременно два дневника.

¹¹ Даты приведены по дневнику К. Лохвицкого, т. е. по старому стилю. В 1831 г. 19 декабря (31 по новому стилю) приходилось на последнюю субботу перед Рождеством Христовым.

В оставшиеся декабрьские дни 1831-го и первые три месяца 1832-го года Лохвицкий делал не ежедневные записи о текущих событиях, о привидевшихся снах, о сочиненных им стихах. После большого текста “О посте”, записанного под 29 марта, эта часть дневника была оставлена и начат “ЖУРНАЛ корреспондента Московского общества истории и древностей чиновника 5-го класса и кавалера 4-й степени Св. Владимира Кондрата Лохвицкого. О раскрытии древностей. Киевских”¹².

Первая запись “Журнала” сделана “марта 30 дня 1832 года”, и в ней тоже упоминался Крест: Лохвицкий утверждал, что это был “день, по истории, Распятия Христа сына Божия на древе Крестном”. Но Православная церковь в 1832 г. праздновала Пасху 10-го апреля (все даты приведены по старому стилю), то есть запись Лохвицкого о Распятии Христа сделана раньше официальной даты Страстной Пятницы, к тому же, 30-е марта было средой. Напомним, что православная традиция отступление от канонических правил о времени празднования Святой Пасхи признает “грехом хулы на Духа Святого, который не прощается Богом ни в сей, ни в будущей жизни”¹³.

Но автор дневника жил по двум календарям. Конечно, его жизненный график строился по принятому в России юлианскому, по нему отмечались светские праздники, да и в общепринятые церковные он посещал храмы, молился, выполнял православные обряды и установления¹⁴. Наряду с этим он вел и другой отсчет времени, следуя, по-видимому, за григорианским календарем, принятым у католиков, протестантов, масонов. Очевидно, одно другому не мешало. Напротив, соотнося события реальные и воображаемые со знаковыми днями нескольких календарей, Лохвицкий расширял диапазон возможностей для наделения их символическим смыслом.

На второй день Православной Пасхи (11 апреля) Лохвицкий совершил осмотр участка на Старокиевской горе между Андреевской и Трехсвятительской церквами. Маршрут был выбран не случайно – “Сие место знаменито по тому, что на оном Крест водрузил Святой Апостол Андрей Первозванный”¹⁵. Во время осмотра была сделана первая находка: Лохвицкий “отрыл” камень “из под земли фундаментальной стены Крестовоздвиженской церкви бывшей на сем месте в 1212-м и в 16-м веке”.

¹² ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949.

¹³ *Серафим (Соболев), архиепископ*. О новом и старом стиле; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravoslavie.domainbg.com/svt-serafim/calendar.html>.

¹⁴ В частности, не только в праздничные, но и в воскресные дни работа на раскопках не велась. Например, 9-го мая 1832 г., когда Православная Церковь праздновала память перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари, Лохвицкий отметил в дневнике: “Понедельник. Николин День. Работы не было”.

¹⁵ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 2об.

Немедленно были сделаны несколько визитов, чтобы продемонстрировать этот камень. Первый – к командующему 1-й Армии генерал-фельдмаршалу Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену¹⁶: “Сей муж знаменитый любитель древностей и знаток приказал мне представить его [камень – Т.А.] *господину* генерал губернатору В.В. Левашову и *Преосвященному* Киевскому митрополиту Евгению”¹⁷. “Приказ” был исполнен незамедлительно. По утверждению Лохвицкого, генерал-губернатор одобрил находку, митрополит подтвердил ее древность, и в тот же день энергичный изыскатель “выломал еще один красный камень такой же как и прежний, так крепко что топором разбить нельзя было”.

Так в пасхальные дни 1832 г. началась археологическая эпопея, которая продлилась несколько лет и запечатлелась в историографии и памяти потомков открытием Золотых Ворот и Ирининской церкви. Но современники были хорошо осведомлены о реальном ходе событий и тех настойчивых поисках на Крестовоздвиженском месте, которые, по утверждению изыскателя, также увенчались успехом – находкой частей “Животворящего Древа Креста Господня”. Лохвицкий сам осуществлял информирование общества о каждом археологическом событии, он действовал с нарочитой открытостью: оповещал обо всем обнаруженном в земле, охотно возил “древности” для показа, рассылал в качестве дарений, приводил на раскопки посетителей¹⁸.

С первых дней активно занимаясь поиском денег на раскопки, по совету фельдмаршала Остен-Сакена Лохвицкий составил “информационное письмо” для сбора средств по подписке. 17 апреля археолог напомнил о себе Николаю Полевому – известному журналисту и историку, издателю “Московского телеграфа”, автору “Истории русского народа” (6-томный труд начал издаваться с 1829 г.):

“Милостивый государь Николай Алексеевич!

Из приложенной подписки увидите новое мое предприятие раскрыть и отыскать древность, которая в земле более тысячи лет скрыта. <...>

Веду Журнал по сему предмету и с завтрашнего дня начинаю разрывать землю того места, где Св. *Апостол Андрей Первозванный* водрузил Крест на сем

¹⁶ Главная квартира 1-й Армии была переведена в Киев в начале 1830 г.

¹⁷ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 3.

¹⁸ Это заметно отличало его от киевских деятелей на поприще поисков древностей, окружавших свои замыслы атмосферой келейности. М. Берлинский, А. Турчанинова, А. Анненков практически не оставили свидетельств о своих раскопках до 1835 г., когда был учрежден Временный комитет для изыскания древностей в Киеве.

месте как утверждают *митрополит Киевский* Евгений и викарный епископ Кирил была построена церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. На сем месте по преданию был дворец Св. княгини Ольги и церковь домашняя. Сего то здания остатки я уже заметил и вынул из фундаментальной стены три камня красных яшмовых. Один назначил Обществу, другой Вам, а третий на закладку церкви¹⁹.

В Петербурге одним из первых информацию получил “дядька” (воспитатель) цесаревича Александра Николаевича (“на счастье которого раскрывая древнюю церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста ищу места, где Св. Апостол Андрей Первозванный Святыи Крест водрузил”²⁰ – писал Лохвицкий). Продолжилось эпистолярное знакомство с графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской, которую Лохвицкий считал своей покровительницей:

“*Ваше Сиятельство Милостивая Государыня Графиня Анна Алексеевна*

В благодарных чувствах обязанностию поставляю довести к сведению вашему что я вновь раскрываю из под земли в старом Киеве на горе где была в древние времена построена церковь сначала деревянная а потом каменная воздвижения честного и животворящего креста Господня, которая доказывает из истории по пророчеству что на сем месте водружен крест Св. Апостолам Андреем Первозванным, а не на том месте где теперь Андреевская церковь, которая в честь водрузителю и просветителю крестом Господним построена, и Орден учрежден Андреевский. А кресту водруженному ничего не сделано кажется пора подумать в настоящее просвещенное время на месте водружения, воздвигнуть просто приличный крест для славы России временной и вечной и для Истории Российской. При сем прилагаю подписки список. Удостоите благодетельнейшим ответом”²¹.

“Промо-акции” набирали оборотов, несмотря на то, что в Киеве археологические опыты Лохвицкого были восприняты неоднозначно. Безусловная поддержка фельдмаршала Ф.В. Остен-Сакена превратила многих военных в вынужденных поклонников археолога. Генерал-губернатор В.В. Левашов, ставший заложником сложных отношений с фельдмаршалом, которому покровительствовал император, вынужден был лавировать и искать поводы, чтобы, не говоря “нет”, создать препятствия для громких инициатив отставного чиновника 5-го класса. Киевский войт Г. Киселевский наотрез отказался давать деньги на раскопки, усомнившись, благая ли это затея. В светском обществе наряду с любопытством и экзальтацией наблюдались холодный скепсис и стремление (особенно чиновников) отделаться от беспокойного статского советника.

¹⁹ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 5об.

²⁰ Там же, л. 7.

²¹ Письмо от 30 апреля 1832 г. // ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 9об.

На этом фоне выделялось своим постоянством киевское духовенство, судя по дневнику, поощрявшее археолога. Архимандрит Михайловского Златоверхого монастыря Кирилл благословлял на начало раскопок и отпустил иеромонаха отслужить молебен на Крестовоздвиженском месте. В церкви Св. Николы Набережного, где служил духовник Лохвицкого отец Филипп Петровский, освящались находки. Ректор Киевской академии Иннокентий (Борисов) “советовался по сему делу раскрытия о воздвижении Креста Господня на месте водружения *Святым Апостолом Андреем Первозванным* где ныне разрыта Воздвиженская церковь. Сей благонамеренный пастырь с христианскою любовью дав совет и одобрил мое намерение делает мне в сем деле пособие присылает исторические книги и дал из Академии для письмоводства одного из лучших учеников”²². Лохвицкий был склонен преувеличивать масштабы содействия ему со стороны именитых сограждан, и не исключено, что преосвященный Иннокентий имел ввиду только помощь в редактировании неказистых текстов археолога, поскольку остановить их появление были бессильны все, даже Высокопреосвященный Евгений.

В начале мая 1832 г. были раскопаны “две хлебных ямы, одна с пшеницею, а другая с пшеничною мукою созревшие от давности”. Евгений настаивал на том, что ямы и предметы, найденные в них и поблизости, имели хозяйственное назначение и связаны с позднесредневековыми постройками. Показанное митрополитом сочинение на польском языке, описывавшее на этом месте комендантский дом, не убедили: “Мука служила церкви для просвир из коих Эвхаристия совершается”²³, – заявил Лохвицкий. Не дала результата и попытка Евгения переключить внимание археолога на поиск Золотых Ворот. Раскопки Ворот начались 23 мая 1832 г., однако на Крестовоздвиженском месте работы не прекратились.

Именно из ям вместе с обломками хозяйственной утвари были вынуты несколько деревянных жердей, которым предстояло стать частями “Креста” Апостола – но произошло это не сразу.

8 мая, обедая у генерал-фельдмаршала Остен-Сакена, Лохвицкий услышал по-военному прямой вопрос:

“<...> скоро ли я найду Крест *Святым Апостолом Андреем Первозванным* водруженный? Я отвечал: Тогда как на сем раскрытом месте водружения Креста воздвигается приличный Крест российскому Христианству! Андрею церковь воздвигнута и орден Андреевский учрежден. А Кресту Господню что зделано?

²² ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 11об.

²³ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 27.

Не пора ли нам подумать воздвигнуть Крест Кресту водруженному и нас просветившему Светом Божественным?»²⁴

Итак, именно фельдмаршал вполне определенно говорил о самом Кресте Апостола, а Лохвицкий, уже доставший из ямы жерди, не дал на четкий вопрос столь же прямого ответа; его идея в том, чтобы “воздвигнуть Крест Кресту водруженному”. Именно с ней он обратился через несколько дней к митрополиту, прося “зделать распоряжение на сем месте Святом водружения воздвигнуть Крест приличный в память начала Церкви Российской, чрез подписку Россиян, пламенеющих верой и любовью к сему единственному спасению нашему”²⁵. Здесь звучит еще одно уточнение – крест должен быть “в память” легендарного события. Как уже нетрудно догадаться, митрополит был далеко не единственным адресатом, извещенным о ходе выполнения задачи, которую Лохвицкий сформулировал в своем дневнике еще в апреле с присущей ему категоричностью:

“Работа продолжалась на месте воздвижения Честного и Животворящего Креста где достоверно показать должно, что воздвигнется Крест Животворящий [подчеркнуто нами. – Т.А.]”²⁶.

Однако, никто из почтенных адресатов не спешил активно поддерживать киевского энтузиаста. И уже 29 мая проект выходит на новый этап: в церкви “Св. Николая Набережного полным освящением освящены” находки с Крестовоздвиженского места, в том числе “и крест деревянный составленный из найденных в пшенице перетлевших кусков жерди сосновой”²⁷. Летом подобные акции продолжают. В церкви вносятся дары – пшеница в графинах с надписью, упоминающей о благословении митрополита. 1 августа во время праздника Честного Животворящего Креста “водоосвящение было у льва в колодесе. И Крест 12-ти конечный сложенных²⁸ из трех кусков жерди сосновой найденной в пшенице хлебной яме на Крестовоздвиженском месте погружали весь в святую воду. Равно и маленькие крестики из того же дерева сделанные также во святую воду погружали”²⁹.

Ресурс увещаний и дипломатичных “маневров” исчерпался, терпение митрополита было на пределе, произошло несколько скандалов. Когда 5-го августа, прихватив с собой “корзину древностей церковных

²⁴ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 12–12об.

²⁵ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 14об.

²⁶ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 9.

²⁷ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 19об.

²⁸ Так в оригинале.

²⁹ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 37об.

от раскрытого места водружения Креста Св. *Апостола Андрея*”, Кондрат Андреевич навел митрополита, разгорелся спор о типе 12-конечных крестов (православных, раскольничьих или католических). Евгений не выдержал: “Мне митрополит сказал Ты вриош. Я отвечал ему напрасно обижаєте впрочем не только страдать и умереть готов за Крест Святого Истинного”³⁰. Борьба с иерархом Православной Церкви была преисполнена для Лохвицкого особого значения; не случайно на следующий день в церкви Николая Набережного он “чувствовал Благодать Божию. В 12-ти конечном Кресте Святой Троицы Единосущной и Нераздельной, в Любви разливающейся в теле, в душе и духе Ангеле моем Святом Кондрате”³¹.

В понедельник 15 августа³² 1832 года в храмовый праздник Великой церкви Киево-Печерской лавры – Успения Пресвятой Богородицы – в монастыре был обед “для всех знатных и убогих”. После обеда в присутствии фельдмаршала между митрополитом и археологом вновь произошла словесная стычка. Сакен “подозвал меня и сказал отискал ли крест Св. Андреем водруженный. А митрополит Евгений сказал мне: Я позволю крест воздвигнуть но только будет тебе тежол. Я отвечал не токмо страдать для креста а умереть готов. Он опять сказал для славы своей прославиться хочешь. Я в ответ: первенство вот за кем, указывая на фельдмаршала графа Сакена”³³.

Митрополит был, пожалуй, единственным кто открыто и определенно высказался о намерении Лохвицкого найти Крест Апостола. В ответе на запрос Министерства внутренних дел Евгений писал:

“Надежда Лохвицкого найти остатки древней церкви Воздвижения Креста Господня и самый Крест <...> тщетна”³⁴.

Запрос Министерства, последовавший в конце лета 1832 года, не был случайным. Информация о том, что в Киеве раскопки на Крестовоздвиженском месте принесли грандиозный результат, достигла министерских и придворных столичных кругов. “*Господин* Деректор внешней торговли³⁵ Бибииков³⁶ проежжая чрез Киев к водам в Карлсбат, посещал Андреевскую церковь, и осмотрел подле ее раскрываемое мною место

³⁰ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 38.

³¹ Там же, л. 38об.

³² Дата дана по старому стилю, по новому – 27-е августа.

³³ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 39об.

³⁴ Об открытии Ярославовых Златых Врат в Киеве // ЖМВД, 1832, № 7, с. 76–77.

³⁵ Дальше зачеркнуто: *Его Превосходительство Дмитрий Гаврилович*.

³⁶ Д.Г. Бибииков в 1837 г. станет киевским военным губернатором.

водружения Креста³⁷; через него Лохвицкий оповестил о своем открытии Министра финансов Е.Ф. Канкрин. Сенатор (с 1828 г.) Борис Яковлевич Княжнин, недавний киевский генерал-губернатор (1829–1832 гг.), который был переведен в Петербург, обещал по приезде туда “посоветоваться с *Министром внутренних дел* – с обер прокурором *Святейшего Синода* князем Мищерским, и с товарищем *Министра Просвещения* дабы доложить Государю Императору о воздвижении Креста на месте раскрытия, где был водружен Крест *Святым Апостолом Андреем Первозванным*”³⁸.

Ответ митрополита на министерский запрос датирован 3 сентября – к этому времени были исчерпаны все возможности убедить археолога признать истинный характер его находки.

Но дважды прозвучавший вопрос фельдмаршала Остен-Сакена, ожидавшего находки конкретного предмета, не допускал отрицательного ответа. Чтобы понять, как удалось Лохвицкому не обмануть этих ожидающих, обратимся к некоторым фактам его биографии.

***

В дневнике Лохвицкий упоминает как близкого друга Егора Васильевича Карнеева. Упоминает он и о встрече в Киеве с сенатором Федором Петровичем Лубяновским. Оба они известны не только как чиновники высокого ранга, но и как видные деятели российского масонства. Причем первые шаги на одном и другом поприщах были сделаны ими в кругу Харитона Андреевича Чеботарева – в последующем первого выборного ректора Московского университета (1803–1805 гг.), первого председателя Московского общества истории и древностей российских, известного масона и ... приемного родителя Кондрата Андреевича Лохвицкого.

В дом Чеботарева, который стал родным для него, Кондрат попал подростком. Сирота-певчий лет двенадцати (род. 9 марта 1770 г.) просил Чеботарева и его супругу Софью Ивановну разрешить ему учиться в благородном пансионе, который они содержали, а в итоге перешел к ним на жительство и воспитывался вместе с их сыном Андреем, именно здесь получив опыт социализации и ориентиры культурной практики, ставшие одним из лейтмотивов его последующей деятельности.

Близкий друг и единомышленник Н.И. Новикова, Харитон Андреевич Чеботарев имел большой успех как единственный в университете преподаватель российской истории и словесности, и в то же время педагог, культивировавший “внутреннее христианство” в его масонском

³⁷ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 23.

³⁸ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22949, л. 13об.

понимании³⁹. Но это было в 1780-х годах, а после гонений на Новикова (который был арестован в 1792 г. и заключен в Шлиссельбургскую крепость) с его окружением, и тем более к началу XIX в. лучшие времена для Чеботарева миновали, так что ректорство его пришлось на годы, когда он “нередко впадал в некоторую слабость и вел жизнь беспечную”⁴⁰.

Воспитанник Чеботарева в его доме познакомился с мистиками-масонами екатерининского и александровского времени, среди его близких знакомых были А.Ф. Лабзин – один из главных деятелей русского масонства, графиня А.Н. Безбородко, будущий митрополит Санкт-Петербургский Михаил (Десницкий), государственные деятели, влиятельные особы. Не избежал Лохвицкий и членства в обществе Филадельфийской церкви, хотя пробыл в нем недолго. Огромное влияние оказывало на него чтение мистических книг, вызывая то просветление, то мучительную внутреннюю борьбу, психическое напряжение⁴¹. По наблюдению Ф. Терновского, мистицизм развил в Кондрате Андреевиче “крайнюю подозрительность и придирчивость”, он даже “не любил науки и относился к ней с некоторым предубеждением”.

Службу Лохвицкий оставил в 1819 г., пройдя десять классов по Табели о рангах, он сделал неплохую карьеру, достигнув чина статского советника, но останавливаться на этом не намеревался.

Высочайшим рескриптом 1 августа 1822 г. масонские ложи были запрещены. В 1823 г. Лохвицкий переехал в Киев. Данных, которые подтверждали бы связь между этими событиями, у нас нет, однако исключать ее не стоит. Известно, что после запрета лож именно в Киев была выслана А.П. Хвостова, автор духовных сочинений, вдова известного масона Н.Ф. Плещеева, сотрудница А.Ф. Лабзина по “Сионскому Вестнику”.

Закрытие лож не могло повлиять на мистические настроения, которые были одним из следствий кризиса, переживаемого в конце XVIII – начале XIX в. традиционной православной религиозностью и культурой, и вызванных этим религиозных исканий той части общества, которая остро ощущала противоречия между верой и разумом, религией и наукой, стремилась обрести новый духовный опыт как основу целостного мировоззрения.

Мистики-масоны исповедовали религиозный индивидуализм, ставя личную веру несравненно выше “внешней”, “обрядовой” Церкви.

³⁹ Андреев Ю.А. 1812 год в истории Московского университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/library/Andreev/index.html>.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Терновский Ф. Материалы для истории мистицизма в России // Труды КДА, 1863, т. III, № 10, с. 161–203.

Истинное благочестие, утверждали они, не в соблюдении правил, принятых Церковью, а в следовании внутренним, внушенным самим Богом, убеждениям. Наставлений “свыше” и предсказаний мистики искали в сновидениях, причем, с таким навязчивым исступлением, что нередко доводили себя до “сонного сумасшествия”⁴².

Масонство как мистическая система в практической части всегда стремилось к намеренной парадоксальности и интуитивизму. По мнению масона, науки испортили человека и удалили его от первобытной блаженной простоты⁴³. Истинные основания всех наук находятся не в том, как вещи предстают перед чувствами, а в духовном опыте, поскольку сама вещественность имеет в своем первоначальном основании Дух. Поэтому и в основание науки должен быть положен Дух. Отношение к науке, к истине опиралось на моралистическую установку. Что же требуется для того, чтобы постичь Истину? Прежде всего необходимо перейти от внешнего к внутреннему и очистить сердце, или, на масонском языке, “обтесать Дикая Камень”⁴⁴. Созидание храма премудрости в сердцах людей, строительство царства истины – это путь к достижению земного Эдема, провозглашенного масонами главной целью.

И Лохвицкий стремится представить городское пространство наполненным священными реликвиями, “насытить” ими среду своего обитания, причем, мистику-масону не нужен был “посредник” в лице Церкви. Он держит ответ перед Богом.

Важно, что мироощущения Лохвицкого отвечали свойственной социуму потребности в постоянно воспроизводимой сакральности, в наделении объектов окружающего мира высшим ценностно-смысловым статусом⁴⁵. Это одна из причин, почему он встретил понимание и у Александры Петровны Хвостовой, которая просила о священном даре – горсти пшеницы, раскопанной на Крестовоздвиженском месте, и у графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, духовной дщери архимандрита

⁴² Кучурин В.В. Мистицизм и западноевропейский эзотеризм в религиозной жизни русского дворянства в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: опыт междисциплинарного исследования; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/11_k/uch/urin.htm.

⁴³ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты. Александр Федорович Лабзин и его журнал “Сионский Вестник”; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libros.am/book/303035/nashi-mistiki-sektanty-aleksandr-fedorovich-labzin-i-ego-zhurnal-sionskij-vestnik>

⁴⁴ Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург, 1995, с. 203–204, 221.

⁴⁵ Бинеvский И.А. Диалектика сакрального и профанного в европейском социокультурном процессе. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2012; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://files.msuc.org/avtoferats/210.010.01_avtoferat-ks_binevskogo.pdf; Ямпольский М. Сакральное и воображение // Новое литературное обозрение, 2012, № 118; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/>.

Фотія (Спасского), считавшего масонов “скопищами бесовскими анти-христовыми”⁴⁶. Интерпретация находок Лохвицкого как священных ценностей была конвенционально близка не только этим особам.

Наряду со стремлением к символизации обыденного пространства для Лохвицкого было свойственно буквалистское восприятие абстрактных понятий, характерное для пластического мышления, которое стремится перевести отвлеченные понятия в некие конкретно-образные “аналоги”. Масоны-“каменщики” видели основной целью своей ученической работы обтесывание дикого камня, обозначающего сердце человека. И Лохвицкий “обтесывает камни”, выкопанные на местах древних святынь, заказывая надписи на них. Масоны за свою работу, как они говорили на иносказательном языке, получают плату; если плата мала, то это значило, что они мало работали. И чиновник 5-го класса без устали добивается повышения по службе, денег за труды, наград.

На разных этапах, в разных жизненных ситуациях мотивационным субстратом его деятельности становились то наставления мастеров-масонов, то правила церковные, то этикетные нормы светского общества, рескрипты и распоряжения властей. Все они не только актуализировались (весьма успешно) в реальности, но и проникали в мир его сновидений. После начала нового декабрьского дневника 1831 года, после записи об увиденном во сне Кресте (приведена в начале статьи), Кондрат Андреевич записал еще один свой сон: “Видел во сне: будто где-то за большим столом в многолюдном собрании обедал, а Государь со свитой мимо нас прошел и мы кричали ему Ура! – Потом вставши из-за стола во время шествия Государя мимо нас вторично, *я первый закричал* [курсив наш.– Т.А.] Ура! Ура! и все за мною закричали Ура!”⁴⁷.

Масонский иррационализм успешно уживался со страстным желанием вполне земного преуспевания, социального успеха, воплощенного в новом чине и денежных поощрениях. Митрополит Евгений не зря сказал, что Лохвицкий “для славы своей прославиться” хочет.

Вполне ожидаемым было стремление чиновника 5-го класса представить свои открытия во время посещения Киева цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. На обложке архивного дела рукой Кондрата Лохвицкого написано: “1837-й год, 1838 – По выставке о подносимых вещах ископаемых Древностей Государю Цесаревичу Наследнику Престола Александру Николаевичу”. Рукопись, как и все черновики Лох-

⁴⁶ *Фотий (Спасский), архимандрит. Борьба за веру. Против масонов. М., 2010.*

⁴⁷ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22948, л. 6об.

вицкого, содержит много исправлений. В “Описи священным⁴⁸ вещам, редкостям и древностям Киевским” упомянуты:

“9 – Пшеница вырыта в 1831-м году при открытии мною Крестовоздвиженской церкви, где Св. апостол Андрей Первозванный Крест водрузил.

10 – Там из пшеницы вынуты церковные вещи и три куса Сосновой Жерди, из которых сложен Крест и освящен а из обрезков вырезан крестик и образ Знамени Богоматери Новгородской и киевской”⁴⁹.

Во первых, обращает на себя внимание формулировка, которая снимает претензию на то, что сосновые жерди это и есть Крест Апостола – Андрей Первозванный вообще не упомянут в 10-м пункте. С момента раскопок прошло пять лет, появился Временный комитет для изыскания древностей, а в начале 1837 года не стало митрополита Евгения и фельд-маршала Остен-Сакена. В изменившихся обстоятельствах претерпела изменения и риторическая стратегия археолога, утратившего своего патрона. “Атрибуты успеха” приспособлялись к новым условиям.

Но, конечно, в истории “Креста”, который с большим основанием следует атрибутировать с именем Кондрата Лохвицкого, нежели Апостола Андрея, еще остаются нераскрытые вопросы. Один из них возникает после прочтения дневниковой записи археолога за 5–7 марта 1833 г.:

“По совету приходского священника Киево-Подольско-Набережно-Николаевской церкви Филиппа я расположен говеть на следующей неделе чтоб в день Ангела своего причаститься святых тайн. А как сия неделя Крестопоклонная, то пришло на мысль мне внести в церковь Крест деревянный, сложенный из трех кусков сосновой жерди перетлевших в концах и сохраненных в пшенице хлебной ямы найденной мною при раскрытии места Крестовоздвиженского где Св. Апостол Андрей Крест водрузил, который освящен в одной церкви 29-го мая 1832-го года о чем и свидетельство дано от одного священника духовника моего 1-го июня того же года. Ночью к разсвету в молитве просил я Спасителя, чтоб он мне открыл: внести ли мне сей Крест или нет? После сего задремал и вижу в видении голос моего духовника Филиппа, а слышу в его голосе слова Спасителя: “Да просветится свет вам пред человеками, да видят дела добрые и прославят Отца небесного”. Я очнулся. После сего был я у священника, рассказал ему сновидение. Он мне благословил внести Крест в церковь. Повинуясь гласу священному сего 7-го марта при восхождении солнца внесен Крест в церковь Святителя Николая Набережного. И получил свидетельство о освящении сего Креста в сей же церкви сим же и священником духовным отцом моим Филиппом Петровским. – Начинаю говеть”⁵⁰.

⁴⁸ Дописано сверху.

⁴⁹ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22946, л. 3.

⁵⁰ ИР НБУВ, ф. II, ед. хр. 22951, л. 33об–34об.

Следовательно, 7 марта 1833 г. “Крест” был внесен, т.е. дарован киевской церкви и должен был находиться там. Однако, в 1837 г. к визиту цесаревича на обозрение наследника престола должен был предстать также “Крест” с Крестовоздвиженского места. Можно предположить, что Лохвицкий изготовил несколько “Крестов”. В пользу этой версии говорит сохранившаяся серебряная табличка с гравированной надписью, почти дословно совпадающей с той, которая приведена в начале статьи⁵¹. Такому предположению не противоречат и прослеженные изыскательские практики археолога-любителя.

Несмотря на “тиражирование” находок с Крестовоздвиженского места (если и не самого “Креста”, то пшеницы, камней и рисунков вещей), этот археологический проект быстро превратился в маргинальный эпизод. В издаваемом М.П. Погодиным “Москвитяине” в 1843 г. был опубликован “Перечень замечательнейших событий, новостей и перемен, случившихся в Киеве в продолжение последних десяти лет – от 1832 до 1842 г.”⁵², в котором на первое место поставлены “открытия древностей”. Отмечая с пиететом “святые драгоценности отечественной старины” – Золотые ворота и Ирининскую церковь, о Крестовоздвиженском месте журнал не упомянул.

Тем не менее, эти раскопки и находки представляют большой интерес, правда, не как археологические памятники, а, скорее, в контексте попыток в начале XIX в. создания символического пространства, где наряду с сакрализацией формировался опыт его мемориализации. Эта тема заслуживает более детального рассмотрения и отдельной публикации. Но уже можно прогнозировать новое подтверждение вывода, к которому привели материалы этой статьи: категории божественного, сакрального не существуют в отрыве от своего антитезиса – профанного. Деятельность Кондрата Лохвицкого – археолога-любителя, мистика, чиновника, автора дневников – яркий, “хрестоматийно” наглядный пример, позволяющий в дихотомии сакрального и профанного наблюдать их диалектику как двух взаимосвязанных аспектов культуры. Только оба эти аспекта, рассматриваемые вместе, могут раскрыть весь спектр изучаемых культурных явлений.

---

⁵¹ Серебряная табличка хранится в фондах Национального музея истории Украины. Вероятно, один из крестов видел Н. Закревский в 1864 г. у П. Должикова, который продолжал уверять, “что это тот самый крест Св. Апостола Андрея, который он водрузил в Киеве”: *Закревский Н.* Описание Киева. М., 1868, т. I, с. 417.

⁵² Москвитянин, 1843, ч. 2, № 3, с. 246–264.